

СОБОР 1503 г.

Возникновение «нестяжательского» течения церковной мысли связывают с собором 1503 г. Однако суждения об этом соборе затруднены из-за неудовлетворительного состояния источников.

Достоверно известно, что собор был созван в столице для решения неотложных церковных дел. Сохранились два соборных приговора. Первый из них, датированный 6 августа 1503 г., свидетельствует о том, что великие князья Иван III и Василий, «поговоря с митрополитом» и священным собором, решили отменить церковные пошлыны, по случаю поставления иерархов и священников на должность. В сентябре того же года оба государя утвердили другой приговор священного собора,

запрещавший вдовым попам служить в церкви и грозивший лишить чина тех из них, кто держал наложниц.

Согласно традиционной точке зрения, после решения вопроса о вдовых попах собор приступил к обсуждению проектов секуляризации монастырских вотчин. В пользу секуляризации выступил Нил Сорский, речь которого стала своего рода манифестом нестяжательства. Парадокс заключается в том, что ни в летописном отчете о соборе, ни в соборных приговорах нет и намека на секуляризацию. Все данные о секуляризационных проектах и выступлении Нила заключены в поздних публицистических сочинениях. Объясняя указанный парадокс, ряд исследователей стали рассматривать известия о выступлении нестяжателей в 1503 г. как целиком недостоверные. Они будто бы сконструированы публицистами середины XVI в.

Слабость гипотезы о подложности соборных материалов заключается в том, что она совершенно не объясняет мотивы подлога и мистификации, в которой участвовал не один, а многие книжники и богословы, трудившиеся в разное время и принадлежавшие к разным направлениям церковной мысли. Любая из сторон поспешила бы изобличить другую, если бы та допустила грубую фальсификацию. Если собор 1503 г. обсуждал проект секуляризации церковных земель, то почему нет ранних свидетельств об этом? Попытаемся объяснить данный парадокс, оставаясь на почве строго доказанных фактов.

В 1499 г. Иван III отстранил от власти главных руководителей Боярской думы и передал Новгород в удел сыну Василию. Сразу вслед за тем в Новгороде была проведена секуляризация церковных земель. Псковский летописец весьма точно уловил последовательность и взаимосвязь происшедших событий: «В лето 7007-го (1499 г. — Р.С.) пожаловал князь великий сына своего, нарек государем Новугороду и Пскову... Генваря поймал князь великой в Новегороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословению Симона-митрополита». Современные московские летописцы ни словом не обмолвились о круп-

нейшей секуляризации, проведенной в 1499 г. у них на глазах. Это наблюдение объясняет, почему московские источники умалчивают о проектах секуляризации на соборе 1503 г. Обсуждение планов секуляризации в 1503 г. ни к чему не привело, не было никакого соборного решения по этому вопросу. Попытка распространить новгородский опыт на владения московской церкви вызвала острейший конфликт. Государю не удалось навязать собору свою волю, а потому официальные московские источники избегали говорить о его неудаче. Церковники же, возмущенные преступным посягательством властей на их имущество, заинтересованы были в том, чтобы навсегда предать инцидент забвению. Лишь после смерти Ивана III и его фактического соправителя Василия III запретная ранее тема стала широко обсуждаться публицистами. Их сочинения появились при жизни поколения, знавшего Нила или черпавшего сведения из уст его учеников. Книжникам не приходилось «конструировать» события прошлого и прибегать к мистификации.

Светские власти без колебаний применили насилие в Новгороде. В Москве они пытались склонить духовенство к уступкам методом убеждения. Объявив о намерении отобрать «села» (вотчины) у митрополита и монастырей, Иван III тут же пообещал им хлебное обеспечение («оброки») и денежные платежи («ругу») из казны. Теория и практика заволжских старцев в какой-то мере оправдывала намерения государя. Нил обличал греховность монастырских стяжаний. Будучи вызван Иваном III в Москву, Нил заявил: «Не достоин (недостойно) чернецем (монахам) сел (вотчин) имети». Поздние публицисты, противники нестяжателей, стали изображать дело так, будто Нил советовал государю отобрать земли у монастырей. Но это не так. Речи Нила имели иное значение. Он старался убедить монахов стать на путь спасения и добровольно отказаться от владения селами, кормиться своим трудом и жить в нищете. Иван III трижды объявлял иерархам свою волю, но духовенство неизменно отклоняло его проект, свидетельством чему служит «Соборный ответ 1503 г.». Наличие трех ответов

Ивану III в названном памятнике окончательно проясняет вопрос об аутентичности документов собора.

Выступление Ивана III застало церковное руководство врасплох. Митрополит Симон послал во дворец своего дьяка Леваша Коншина с краткой и невразумительной речью. Отклонив возражения церковников, монарх вызвал к себе митрополита Симона. К этому времени митрополичья канцелярия успела подготовить длинный «список» с аргументами в защиту церковного землевладения. Если бы московские книжники взялись за сочинение «речей» митрополита задним числом, они составили бы образцовое риторическое сочинение. Скорее это груда черновых заготовок, подборка цитат из византийских законов и других византийских памятников. Отдельные куски «списка» имеют заголовки «От Левгитския книги», «От Жития» и прочее.

Как видно, византийские цитаты не произвели впечатления на Ивана III. Митрополиту пришлось вновь снаряжать во дворец дьяка Леваша. Его последняя речь дает представление о новом повороте в ходе прений. Византийский материал был полностью исключен из речи дьяка, а акцент сделан на московской традиции. В последней версии гарантами неприкосновенности церковных имений выступали не византийские цари, а русские князья — «твои (Ивана III. — *Р.С.*) прародители: Андрей Боголюбский, Всеволод, Иван Калита, внук блаженного Александра». «Соборный ответ 1503 г.» запечатлел все зигзаги дискуссии о «нестяжании», что исключает возможность даже самой искусной подделки.

Попытка убедить высших иерархов и отказ монарха от метода диктата привел к неожиданным результатам. Высшее духовенство сплотилось. Твердость новгородского архиепископа Геннадия, троицкого и волоцкого игуменов придала Симону Чижу силы. Он заявил великому князю: «...Не отдаю сел Пречистой церкви (митрополичьего дома), которыми владели чудотворцы митрополиты московские Петр и Алексей». Архиепископ Геннадий столь резко возражал государю, что тот прервал его грубой бранью. Вскоре после собора монарх велел

арестовать Геннадия и под предлогом его мздоимства лишил сана. Болезнь Ивана III помешала ему вернуться к проектам секуляризации. Сопrotивление церкви предотвратило новое грандиозное расширение государственной собственности, грозившей раздавить русское общество.

Главным гонителем еретиков после отставки Геннадия стал Иосиф Волоцкий. Он посвятил защите православной догмы от ереси основное сочинение своей жизни, названное впоследствии «Просвятитель». В своем трактате Иосиф доказывал, будто ересь была завезена в Новгород из Литвы евреем Схарией, от которого иудаизм восприняли сначала новгородцы, а от них — москвичи. Еретики якобы не признавали Святую Троицу, отвергали божество Христа, не почитали Богородицу, не поклонялись кресту и иконам, чтили субботу вместо воскресенья.

В конце жизни Иосиф Волоцкий покинул своих покровителей — удельных князей — и вместе с монастырем перешел под власть великого князя Василия III. Отдав все силы борьбе с ересью, Иосиф пришел к мысли о том, что только власть, организованная по типу византийской императорской власти, может сохранить в чистоте православную веру. Византийская традиция постоянно питала русскую религиозную мысль. Сохранилось послание Иосифа к великому князю, сотканное почти целиком из цитат, заимствованных у византийского писателя VI в. Агапита. Главная идея послания заключалась в тезисе о божественном происхождении царской власти: «царь убо естеством (телом) подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышням (всевышнему) Богу». Царь подобен солнцу и должен хранить подданных от ереси.

Идеи Иосифа Волоцкого, сформулированные им в конце жизни, оказали существенное влияние на порядки и политическую культуру Московского государства. В Древней Руси князя могли назвать царем, если он исполнял по отношению к русской митрополии те же функции, что и византийский император по отношению ко вселенской церкви (В. Водов). Идея Иосифа Волоцкого устраняла последние препятствия на пути

превращения Московского великого княжества в наследника византийской династии императоров — носителя истинно христианского православного самодержавия.

Выступление Иосифа Волоцкого имело большое значение по той причине, что он был не только идеологом, но еще в большей мере практиком. Основанный им монастырь стал питомником для иерархов осифлянского направления. Куда бы ни забросила судьба питомцев монастыря — осифлян, они неизменно поддерживали друг друга, старались занять высокие посты в церковной иерархии. Из осифлян вышли два митрополита и множество епископов, управлявших русской церковью в XVI в. Они стремились претворить в жизнь идеи, высказанные их учителем.

Передача удельному князю Василию Новгорода Велико-го вместе с титулом великого князя Новгородского и Псковского обеспечили ему успех в борьбе за власть. Вопрос об образовании Новгородского княжества не мог быть решен без участия главного соправителя Ивана III Дмитрия Внука, коронованного великого князя. В том, что Дмитрий возражал против раздела государства, сомневаться не приходится. Как заявляли русские послы за рубежом, «внука своего наш государь пожаловал и он учал государю нашему грубити». Возражая деду, Дмитрий рассчитывал на поддержку Боярской думы. Но дума, запуганная казнями, молчала. Все это решило судьбу законного коронованного наследника. Иван III постарался не придавать огласке выдвинутые против него обвинения. 11 апреля 1502 г. Иван III приказал взять Дмитрия и его мать под стражу «за малое их прегрешение». Иван IV имел случай упомянуть о подлинных обвинениях, выдвинутых против Дмитрия. В письме Курбскому царь утверждал, будто Дмитрий и его сообщники князя (в письме упомянуто было только имя отца Курбского) умышляли «многия пагубы и смерти» на Василия III. В памяти Ивана IV все акценты сместились. Дмитрий старался удержать трон, полученный им на основе закона и права. Василий III погубил Дмитрия, узурпировав трон. Через три дня после ареста вну-

ка Иван III благословил удельного князя Василия — «посадил на великое княжество Владимирское и Московское и учинил его всеа Руси самодержцем». Избегая раздора с думой, Василий не стал наказывать ни Курбского, ни других бояр — сторонников Дмитрия.

Через год после ареста Елены Волошанки умерла великая княгиня Софья. Вскоре же «начат изнемогати» и сам Иван III. Болезнь быстро прогрессировала: у государя отняло «руку и ногу и глаз». Возобновление борьбы за власть казалось неизбежным. В феврале в Нарве было получено известие, что великий князь смертельно болен, сын Василий должен ему наследовать, «хотя русские более склонны к его внуку, отчего между детьми великого князя назревает большая распря». Иван III должен был считаться с настроениями народа. Перед смертью он искал примирения с внуком. С Дмитрия сняли оковы и привели во дворец. По сведениям австрийского посла С. Герберштейна, умирающий произнес, обращаясь к внуку: «Молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». В последний раз монарх пытался примирить своих родственников и соправителей, но успеха не достиг. Какие права он предполагал вернуть Дмитрию, остается загадкой. В завещании Ивана III имя Дмитрия не упоминалось. Как только великий князь умер, Василий заковал племянника Дмитрия «в железа» и посадил «в полату тесну», где тот умер три года спустя.

«Одни полагают, — заметил Герберштейн, — что он погиб от голода и холода, а по другим — он задохся от дыма».

Итогом длительного правления Ивана III было уничтожение многих старых уделов. Однако это вовсе не привело к перестройке системы управления государством на новых основах. Духовная грамота Ивана III возродила систему удельных княжеств в стране. Государь дал «ряд своим сыном», наделив уделами всех четырех братьев Василия III. Каждый из удельных получил долю как в Московском, так и в Тверском великом княжествах. Мировоззрение первого русского самодержца было насквозь проникнуто духом старых традиций.

Ко времени смерти Ивана III на Руси было до шестидесяти шести городов во владении удельных князей, а ко времени кончины Василия III — всего тридцать.